

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ДИСКУРСА ТЕХНИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ К АНТРОПОГЕННОЙ

Анализируются попытки выйти на сущностную характеристику техники в разных цивилизациях. В условиях перехода к антропогенной цивилизации техника рассматривается как творчество, как воплощение знаний не одного человека, а коллектива, как результат изобретения и носитель информации, а не утилитарный объект. Фиксируя факторы, свидетельствующие об изменении дискурса смыслового понимания техники, автор приходит к выводу, что нас ожидает реализация того феномена заботы о себе, который активизирует диалог с техникой, поэтому необходимо отказаться от машинного понимания техники и формировать новый дискурс о ней. Свою индивидуальность человек реализует, только приобщаясь к практике трансиндивидуального.

Ключевые слова: техника, трансиндивидуальность, сущность техники, забота, цивилизация, технический объект, технореволюционер, машина.

Обращение к технике становится все более актуальным, что указывает на ее роль не только в обществе, но и для каждого из нас. Тем более актуализируется проблема и ценностная оценка техники в контексте каждой цивилизации. Человечество знакомо с космогенной и техногенной цивилизацией. Сегодня закладываются основы для формирования нового витка цивилизационного развития – антропогенной цивилизации.

Предметом философского анализа техника стала недавно. Философия техники возникла в XIX в. Германии и Франции, а в начале XX в. – в России. Но уже в середине XX в. наблюдается обостренный интерес к технике, который проявляется не только в ценностной плоскости. Все больший интерес вызывает поиск ее онтологической сущности (Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс, Томас Веблен, Олвин Тоффлер и др.).

Цель данного исследования – зафиксировать факторы, свидетельствующие об изменении дискурса смыслового понимания техники.

В каждой цивилизации складывается свой, присущий только ей дискурс своеобразного понимания техники. Внутри цивилизационного пространства создается дискурс, который формирует смысловое значение этого термина. Поиск же онтологического значения техники выступает достаточно сложной задачей. Примерами ее решения могут служить рассуждения П. Флоренского и М. Хайдеггера [1]. Первый ее сущностную основу предлагал искать в способности человека к организации пространства. Единственным механизмом этого процесса выступают смыслы и значения, которыми наполнял человек определенные предметы, явления. Техника выступала и средством достижения

цели, и в то же время одним из элементов пространства, которое создается. Техника выступает как особенный путь нахождения бытия.

Мы находимся в плену именно инструментального значения техники, – обратил внимание М. Хайдеггер, – а современный дискурс техники оформляется благодаря ее инструментальному пониманию. Чтобы освободиться от власти такого определения техники, необходимо понять, что означает «инструментальное» само по себе. Инструментальное определение техники может считаться верным, но верность должна быть обоснованной и такой, которая ведет нас к сущности и способу ее выявления – к истине. Хайдеггер пытается понять, что имели в виду древние греки под термином «инструментальное». Для них инструментальное – это действие, осуществляемое с некоторой целью. Такое действие получает название «деятельностная причина» – αἰτιον. Эта причина никак не связана с латинизированным термином «causa». Для греческого сознания причина – это не то, что делается с чем-то. По своему значению греческий термин переводится как распоряжение в значении «творения». Но всякое творение, замечает Хайдеггер, по-гречески звучит как ποιησις (творчество). И именно благодаря творчеству раскрывается Природа (Φυσις), – замечает Хайдеггер, – но раскрывается в высшем значении: «Творение приводит потаенное к непотаенному. Поэтому творение есть одновременно и Ent-bergen – «раскрытием», то есть как раз тем, что греки называли словом ἀληθεία, а мы называем «истиной». Следовательно, техника не есть просто «способ» в инструментальном значении, техника – это способ раскрытия истины. Поэтому античная ἀληθεία была нацелена на познание и выступала способом раскрытия истины, а не изготовлением чего-то ради некоторой цели» [2, с. 74].

Сегодня мы говорим о технике и ощущаем ее по-новому. Уже в период Возрождения фиксируется совершенно новое понимание техники: оно уже не связывается с искусством, с творчеством. Ярким примером такой трансформации является творчество Леонардо да Винчи. Он воспринимается как художник, а его инженерное начало, инженерная деятельность пока еще растворена в искусстве. И несмотря на то, что уже сделана заявка на чертеж как существенную часть технического изделия, несмотря на его активное участие в разработках технического характера, предназначенных для городской культуры, Леонардо остается художником. Но именно с тех пор техника уже не воспринимается как искусство, она разделилась на два разных направления: реально-техническое и художественное. Первое делало ставку на точность восприятия мира, а второе «вырывало» человека из эмпирики и «переносило» в воображаемую реальность.

В конце XVI–XVII вв. технические изделия приобретают массовый характер: техника активно внедряется во все области жизни, мир человека уже немислим без нее. Она определяет не только уровень экономического, социального и политического развития, но выступает одним из мощных критериев в определении статуса государства, в работе прогностического характера и т. п. Декарт описал механический мир, и он оказался чувственно неотличимым от нашего умения воспринимать макромир. Формируется дискурс

нового восприятия и понимания техники через метафору часов, движущегося механизма, машины. Метафора машины настолько была понятной и воспринимаемой буквально, что техника начала открыто ассоциироваться именно с машиной. Этот образ стал достаточно удобным для классической парадигмы научной рациональности: она адекватно описывала макромир, жизненный мир человека, а метафора машины просто была находкой для наглядности его описания. Видимо, поэтому в системе образования через обучение воспроизводится, прежде всего, техника мышления, сформированная классической научной рациональностью.

Вместе с «машинным» пониманием техники существенно изменилось и понимание природы. В окружающем мире, благодаря технике, все переводится в имеющееся состояние как назначенное к поставке чего-то ради чего-то. Современная техника раскрывает себя во властном требовании к природе, а именно – поставлять энергию. Это новый тип потаенности, за которым скрыта некая сущность техники. Особенностью современной техники является то, что ее наглядное состояние не является чем-то внешним для человека как предмет, который противостоит ей. Имеющееся состояние – это способ осуществления не только техники, но и самого человека. М. Хайдеггер замечает, что это требование бытия: для того, чтобы человек мог раскрыться, необходимо все привести в имеющееся состояние. Это так называемый Постав. В этом мире поставляется все: природа, недра, космос, сам человек. Постав есть средство осуществления и техники, и самого человека. Именно поэтому Постав остается незаметным для человека.

Представляя себя творцом и господином, почти что богом, человек не видит себя, потому что находится полностью в границах Постава. Здесь хотелось бы сделать небольшой экскурс в миф, чтобы понять еще одну грань связи человека и божества. О том, что техническая деятельность сродни божественной, мы находим в мифе. Она рассматривалась и оценивалась как работа по подражанию действию богов. В традиции олимпийского пантеона людей расценивали как последователей Гефеста. Это был достаточно странный бог даже с позиции той сюжетной канвы, которая присутствует в мифах о нем. Нежеланный сын Зевса, сброшен с Олимпа, живет в долине и редко приглашается к Зевсу во дворец. В то же время женат на самой прекрасной богине – Афродите, – и бог войны Арес не в состоянии «тягаться» с ним силой, когда Гефест разгневан. Чаще всего боги сторонятся его не потому, что общение с ним неприятно, а скорее опасаясь навлечь на себя его гнев или просто привлечь внимание. Фигура, по меньшей мере, парадоксальная. Люди, создающие технические изделия, называют себя гефестидами, последователями дела Гефеста. Их изделия приравниваются к божественным и по красоте, и по необычности своего применения, и по символической силе, создавая особые условия для жизни тому, кто владеет этим изделием.

Индустриальный виток развития и НТР способствовали формированию нового дискурса техники. Уровень ее развития стал рассматриваться в современных исследованиях различного характера как основополагающий. Нам бы хотелось сконцентрировать внимание на одном существенном факте

техногенной цивилизации. В это время происходит формирование первых академий наук и открытие первых высших технических заведений. Это время появления первых технических высших школ. Первая такая школа возникает в XVIII в. во Франции, ее имя – Школа мостов и дорог. В 1885 г. открывается Харьковский политехнический институт, а в период с 1898 по 1902 гг. в России было создано уже шесть новых технических высших учебных заведений. В это же время выходит положение Николая II об учреждении Киевского политехнического института. Чуть позже Киевский, Варшавский и Санкт-Петербургский политехнические институты получают статус Императорских.

И в это же время складывается феномен отчуждения человека от техники. Ввести в жизнь машину – это не только улучшить жизнь, сделать ее комфортной: техника присутствует не только вокруг человека, она уже есть составная его часть. Попытка рассмотреть технику в контексте труда получила в современных исследованиях второе дыхание. Она связана с именем Жильбера Симондона, который считает, что изучение производства и управления для понимания техники не позволяет дать ей четкую оценку в контексте проблем, характерных для человека нового цивилизационного рывка. Он полагает, что технику лишили человеческого, превратив ее в чисто функциональный механизм. Симондон обращает внимание на то, что техника вмещает такой пласт «человеческого», который ранее вообще оставался незамеченным и приподнимает технический объект на пьедестал научности: «Стало быть, технический объект привносит категорию более широкую, чем труд: это операторное функционирование. Последнее предполагает, что основой технического объекта, условием его возможности является акт изобретения. Вместе с тем, изобретение – это не труд, оно не предполагает психосоматической медиации между природой и человеческим видом. Изобретение есть не только адаптивное и защитное поведение, это ментальная операция, ментальное функционирование, принадлежащее к тому же порядку, что и *научное знание*» [3].

Симондон формирует концепцию утраты индивидуации в контексте отчуждения человека: в XIX в. рабочий, подчиненный обслуживанию механических орудий труда, утратил свое *ноу-хау* и, таким образом, саму свою индивидуальность. Сам себя он обнаружил, будучи сведенным к статусу пролетариата. Для сравнения, сегодня в такой роли оказался потребитель, поведение которого стандартизируется, благодаря искусственному производству его желаний. Здесь он теряет свой стиль жизни (*savoir-vivre*), т. е. собственную способность жить. «Высокие образцы» заменяются самыми последними модными брендами. Аналогичная ситуация сложилась и с пролетариатом, который оказался в противостоянии не только к машине, но и к себе, и к науке и технике.

Преодолеть отчуждение человека позволит новый дискурс и созданная им реальность, считает Симондон, которые формируются на основе трансиндивидуальных коллективов: «Путь к уменьшению отчуждения лежит не через социальную сферу (включая трудовую общину и класс) и не через область интериндивидуальных отношений, рассматриваемых обычно психологией, а

через трансиндивидуальный коллектив. Технический объект возник в таком мире, в котором социальные структуры и психические содержания были сформированы трудом, а это значит, что технический объект ввели в мир труда вместо того, чтобы создать мир техники с новыми структурами. Машина познаётся и используется через труд, а не через техническое знание; отношение рабочего к машине неадекватно, поскольку, взаимодействуя с машиной, он не продлевает свою работу изобретательской деятельностью» [3]. В словах Симондона чувствуется призыв к творческому развитию ежесекундно: не только пользоваться тем, что уже изобрели, но включиться в процесс развития трансиндивидуального коллективного достижения. Интересно отметить, что Н. Луман, размышляя в конце XX в. о статусе разума XXI в., приходит к выводу о его трансверсальности. Идея разума рассматривается им в смысле трансиндивидуальных структур, которые выражаются на конкретно-историческом языке, зависящем от конкретной эпохи и представляющем тот или иной тип рациональности [4].

Формирование нового дискурса требует новых терминов, позволяющих связать в единое целое онтологическую сущность человека и техники. Сегодня все чаще в философии звучит термин «забота», и философия техники – не исключение. Забота о себе М. Хайдеггера, М. Фуко, забота о себе у П. Рикера, забота о технике Ж. Симондона. На наш взгляд, смысловое содержание этих терминов находятся в отношении пересечения. Давайте посмотрим, как Рикер в рассуждениях о даре выходит на онтологическую и этическую составляющую трансиндивидуального. Рикер пытался найти ответы, связанные с проблемами идентичности человека, с проблемами его становления. Он предлагал новую философию человека, и не случайно, что именно он обосновывал тему «хорошего учителя», т.к. его философия – это практическая философия, направленная против экзальтации декартовского «Я» в пользу диалогических отношений.

Забота является фундаментальной характеристикой человека. Причем не та забота, которая тождественна обязанности, а забота, которая приравнивается к дару. П. Рикер проводит параллель между понятиями «прощение» и «дар». «Дар выступает против рыночного обмена, в котором дар рассматривается как возможность получить что-то взамен... Это означает давать, не ожидая ответа. Возможно, это слишком аскетическое восприятие дара. Но необходимо видеть его мистический смысл, знать, что таким образом обмен совершается на глубинном уровне» [5, с. 334]. Такой «глубинный уровень» связывается с ситуацией события. А. Уайтхед, объясняя ситуацию события, настаивает на том, что принципы становления объективной действительности невозможны без реформированного субъективистского принципа – «принципа индивидуальности» [6, с. 685], тем самым объясняя процесс становления как становление субъективного единства, вбирающего в себя объективную данность. Эта данность «стягивается в единстве опыта». Проблему данности рассматривали Э. Гуссерль, который утверждал эквивалентность данности и феномена, М. Хайдеггер, связывая ее с бытием, а затем Ж.-Л. Марион, который

отталкивался в своих размышлениях от полемики с Ж. Деррида относительно феномена дара [7].

Ж.-Л. Марион приходит к выводу, что данность, то есть способность являться, есть глубинное свойство всех феноменов [8]. С ее помощью «феноменологически возможно описывать не только объекты, как это делал Кант и отчасти Гуссерль, и не только бытие, как это было у Хайдеггера, но также и открытые поздними феноменологами – Левинасом, Рикером, Гадамером, Деррида – такие феномены, как этика другого, историческое событие, нарратив, *différence* и т. п., о которых трудно сказать, что они являются объектами, равно как сказать, что они «есть» вообще» [7, с. 57]. Следовательно, в даре как в данности реализуются и этические, и онтологические характеристики, а категория «забота» имеет особый ритм существования, т. к. может быть причислена как к онтологическому, так и к этическому ряду категорий. Поэтому в диалоге принцип индивидуальности реформируется: реализуется вертикальный ритм онтологического характера в отношениях между людьми. Основанием для онтологического характера отношений выступает дар человека, соединяющий в себе и онтологическое, и этическое измерение.

В контексте такого понимания заботы прозрачным становится предложение Симондона об освобождении машины от машинного ее понимания. Призыв заботиться о себе подводит нас к мысли о формировании совершенно нового человека. Этот неочеловек, вероятно, появится только при условии коренного пересмотра традиционного для индустриального общества выражения: «техника вышла из-под контроля, и человек уже ничего не может сделать, чтобы контролировать ее». Изменить характер такого дискурса о технике и в полной мере реализовать себя как индивидуальность позволит только практика коллективного трансиндивидуального.

Именно в контексте такой трансиндивидуальности формируется неочеловек О. Тоффлера. Но у Тоффлера он получает статус технореволюционера [9], который уже сейчас встречается как некий носитель «новых рассуждений» в существующей техногенной цивилизации. «Технореволюционеры ставят вопросы так: либо мы будем контролировать технологию, либо она будет контролировать нас; «мы» просто больше не можем быть обычной крошечной прослойкой элиты из ученых, инженеров, политиков и бизнесменов. Время требует демократизации процесса принятия технологических решений. Антиядерные кампании, которые развернулись в Западной Германии, Франции, Швеции, Японии и США, борьба против «Конкорда» или за контроль над генетическими исследованиями – все это наглядное свидетельство требований сегодняшнего дня» [9, с. 120].

Крылатое выражение А. и Б. Стругацких «Думать – это не развлечение, а обязанность» хотелось бы усилить словами: «...а обязанность и забота». Технореволюционеры руководствуются именно этим принципом. А что до нас, жителей XXI в., то мы не можем пользоваться автомобилем без ознакомления с его устройством, мы не можем совершать электронные платежи и покупки без элементарных знаний информационных технологий. Техника «заставляет» нас

все время обучаться все в новых и новых для нас режимах. Перед нами реализация того феномена заботы о себе, который активизирует диалог с техникой. Почему диалог? Техника уже сегодня выступает как результат изобретения и носитель информации, а не утилитарный объект. Каждый новый виток развития именно в области технических достижений приводил к необходимости нового витка специализированного знания и, как следствие, требуются усилия для их творческого усвоения человеком новой цивилизации.

Список использованных источников

1. Павленко А. Н. Возможность техники. О. Павел Флоренский и Мартин Хайдеггер / А. Н. Павленко // Человек. — № 3. — 2003. — С. 67—77.
2. Хайдеггер М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие : Статьи и выступления ; Пер. с нем. — М. : Республика, 1993. — С. 63—176.
3. Симондон Ж. О способе существования технических объектов [Электронный ресурс] / Ж. Симондон // Альманах «Транслит». — 2011. — № 9. — С. 94—105. — Режим доступа до журн. : <http://litbook.ru/article/266/> (29.04.13).
4. Luhmann N. Das Erziehungssystem der Gesellschaft / N. Luhmann. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2002. — 236 s.
5. Рикер П. Прощения і дар / П. Рікер // Дух і Літера. — 1997. — № 1-2. — С. 333—336.
6. Уайтхед А. Н. Избранные философские работы / А. Н. Уайтхед ; пер. с англ., состав. И. Т. Касавин ; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Киселя. — М. : Прогресс, 1990. — 697 с.
7. On the Gift : A Discussion between Jacques Derrida Jean-Luk Marion // God, the gift and postmodernism / Edited by John D. Caputo and Michael J. Scanlon. — Indiana : Indiana University Press, 1999. — P. 55—59.
8. Marion J.-L. Sketch of Phenomenological Concept of Gift / J.-L. Marion // Post Modern Philosophy and Christian Thought / Ed. By M. Westphal. — Indiana : Indiana University Press, 1999. — P. 20—53.
9. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М. : АСТ, 2004. — 781 с.

Дольська Ольга. Формування нового дискурсу техніки в умовах переходу від техногенної цивілізації до антропогенної

Аналізуються спроби вийти на сутнісну характеристику техніки в різних цивілізаціях. В умовах переходу до антропогенної цивілізації техніка розглядається як творчість, як втілення знань не однієї людини, а колективу, як результат винаходу і носій інформації, а не утилитарний об'єкт. Фіксуючи фактори, що свідчать про зміну дискурсу смислового розуміння техніки, автор приходиться до висновку, що нас очікує реалізація того феномена піклування про себе, який активізує діалог з технікою, тому необхідно відмовитися від машинного розуміння техніки та формувати новий дискурс про неї. Свою індивідуальність людина реалізує тільки залучаючись до практики трансіндивідуального.

Ключові слова: техніка, трансіндивідуальність, сутність техніки, турбування, цивілізація, технічний об'єкт, технореволюціонер, машина.

Dolskaya Olga. The formation of a new discourse of technique in the conditions of transition from technogenic civilization to anthropogenic one.

Analysis of attempts to get the essential characteristic of technique in various civilizations is given. In conditions of transition to anthropogenic civilization technique is considered as creativity, as the embodiment of knowledge of not a single person but of a team, as the result of the invention and the media, and not as a utilitarian object. While recording the factors that indicate a change in the discourse of semantic understanding of technique, the author comes to the conclusion that the implementation of the phenomenon of self-care, which will intensify the dialogue with the technique is waiting for us, so it is necessary to abandon machine understanding of technique and form a new discourse about it. The individuality of a person is realized only by an introduction to the practice of trans individuality.

Keywords: technique, trans individuality, essence of technique, anxiety, civilization, technical object, techno revolutionary, machine.

References

1. Pavlenko, A. N. (2003). Technical possibilities. O. Pavel Florensky and Martin Hajdegger. *Human*, 3, 67-67. [in Russian]
2. Hajdegger, M. (1993). *European nihilism*. In: Time and being: Articles and introductions. Moscow: Republic. [in Russian]
3. Simondon, Zh. (2011). About the way of existence of technical objects. *Anthology 'Translit'*, 9, 94-105. [in Russian]
4. Luhmann, N. (2002). *Das Erziehungssystem der Gesellschaft*. Frankfurt on Main: Suhrkamp.
5. Ryker, P. (1997). Forgiveness and gift. *Spirit and Letter*, 1-2, 333-336.
6. Uaytkhed, A. N. (1990). *Selected phylosophycal works*. (Y. T. Kasavyn, Trans.). Moscow, Progres.

7. *On the Gift: A Discussion between Jacques Derrida and Jean-Luk Marion.* (1999). In: God, gift and postmodernism. (John D. Caputo & Michael J. Scanlon, Eds.). Indiana : Indiana University Press.
8. Marion, J.-L. (1999). *Sketch of Phenomenological Concept of Gift.* In: Post Modern Philosophy and Christian Thought. (M. Westphal, Ed.). Indiana: Indiana University Press.
9. Toffler, E. (2004). *The third wave.* Moscow: AST.